

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

Капитан Фракасс

1

Замок нищеты

На склоне одного из голых холмов, нарушающих унылое однообразие ландов¹ между местечками Дакс и Мон де Марсан, во времена царствования Людовика XIII²

¹ Ланды — природная область на юго-западе Франции, наклоненная к морскому побережью равнина, лежащая между Атлантическим океаном и Пиренеями. Ланды отделены от побережья песчаными дюнами, а сама равнина заболочена, покрыта зарослями кустарников и малопригодна для ведения сельского хозяйства. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

² Людовик XIII Справедливый из династии Бурбонов правил с 1610 по 1643 год.

стояла дворянская усадьба. Таких усадеб немало в Гаскони, и местные поселяне почтительно именуют их замками.

Две круглые башни с коническими кровлями защищали торцы здания, а на фасаде виднелись глубокие выемки — следы существовавшего в прошлом подъемного моста. Мост был разобран, после того как время засыпало оборонительный ров, однако сами сторожевые башни и причудливые флюгера на них в виде ласточкиных хвостов придавали строению вид феодального владения. Темнолиственный плющ до половины оплел одну из башен, прекрасно сочетаясь с цветом каменной кладки, как бы поседевшей от древности.

Взглянув издали на этот замок, чьи острые контуры отчетливо выделялись в небесной лазури над зарослями дрока и вереска, путник мог принять его за солидное гнездо некоего провинциального дворянина. Но, подойдя ближе, он убеждался, что это далеко не так. Дорога, ведущая к усадьбе, по мере подъема по склону превращалась в узкую аллею, наполовину заросшую сорными травами и напоминающую потускневший галун на изношенном плаще. Лишь две колеи, заполненные дождевой водой и лягушками, служили подтверждением того, что некогда тут проезжали щеголеватые экипажи. Однако беспечность здешних земноводных и их многочисленность свидетельствовали о том, что они давным-давно живут здесь без всяких тревог. Что касается иных следов на этой белесой полоске земли, орошенной недавно прошедшим ливнем, то даже самый искушенный глаз не обнаружил бы здесь следов человека, а заросли кустарников, осыпанные крупными каплями, выглядели совершенно девственными.

Черепичная кровля замка почернела и покрылась буристыми, словно следы проказы, пятнами. Местами черепица осыпалась, открыв взору наполовину сгнившие стропила. Ржавые флюгера едва поворачивались и все показывали различное направление ветра, слуховые окна были заколочены досками, но и сами эти доски посерели и растрескались. Башенные бойницы до половины засыпал щебень, отколовшийся от разрушающейся каменной кладки. Из двенадцати фасадных окон восемь были также заколочены, а переплеты остальных до того одряхлели, что при малейшем дуновении ветра дребезжали и ходили ходуном. Штукатурка в простенках между окнами осыпалась и обнажила распolzающиеся кирпичи и блоки песчаника, между которыми почти не оставалось скрепляющего раствора, унесенного злокозными ветрами и дождями. Двери главного входа обрамляли каменные наличники со следами затейливой резьбы, стертой временем и небрежением хозяев, а выше, над дверным проемом, красовался затейливый герб, разобраться в котором мог бы только самый искушенный знаток геральдики. Филенки дверей еще хранили лохмотья старой краски цвета бычьей крови, они как бы краснели за собственное убожество, ибо открывалась в них только одна половина. Впрочем, этого было вполне достаточно для немногочисленных гостей, лишь изредка посещавших замок. К ступеням было прислонено старое каретное колесо — последнее напоминание об экипаже, рассыпавшемся в прах, судя по всему, еще во времена предыдущего царствования. Бесчисленные гнезда ласточек облепляли верхушки труб и углы оконных проемов.

И, если бы не тонкая струйка дыма, выходявшая из каминной трубы и тут же сворачивавшаяся спиралью —

в точности так, как это рисуют дети, когда хотят изобразить обитаемое жилье, — можно было бы решить, что усадьба совершенно пуста. Впрочем, обед, который готовился на таком огне, вряд ли мог быть обильным: любой немецкий наемник надымил бы своей трубкой куда больше.

Дым был единственным признаком жизни, который подавал дряхлый замок. Так лекарь подносит зеркало к губам больного, чтобы по затуманившемуся стеклу узнать, жив он еще или уже мертв. Дверь не сразу уступала гостю: она сопротивлялась и скрежетала на проржавевших петлях, словно старуха в самом дурном расположении духа. За ней открывался взгляду род стрельчатого свода. Свод этот был намного древнее остального здания, на его граните был высечен гербовой барельеф, сохранившийся намного лучше герба над дверями. Изображал он трех золотых аистов на голубом поле, но прочие детали было нелегко рассмотреть из-за царившего здесь сумрака. К стене были прикреплены закопченные железные подставки для факелов и такие же кольца, к которым приезжие когда-то привязывали лошадей. Сейчас на этих кольцах лежал толстый слой пыли.

Далее располагались еще две двери: одна вела в покои первого этажа, другая — в просторное помещение вроде кордегардии, где, возможно, в прошлом располагалась стража замка. В этом помещении имелся выход во двор — пустынный, печальный и холодный. Двор был окружен высокими каменными стенами, покрытыми темными полосами — следами зимних дождей. В углах этого запущенного двора среди щебня, осыпавшегося с карнизов, превосходно чувствовали себя кра-

пива, дикие злаки, болиголов и мелкие алые маки, а между плитами, словно щетка, пробивалась густая трава.

Лестница с балюстрадой, столбики которой были увенчаны каменными шарами, вела в сад, расположенный значительно ниже уровня двора. Ступени ее были истерты и местами разбиты, они шатались под ногами, и связывали их между собой только корни трав и пласты испанского мха. На верхней террасе лестницы росли очиток, желтые левкой и дикие артишоки.

Сад же, по мере того, как вы углублялись в него, мало-помалу превращался в непроходимую чащу, настоящий девственный лес. За исключением дюжины грядок на расчищенной площадке, где наливались бледно-зеленые, с листьями в синеватых прожилках, кочаны капусты и высились золотые подсолнухи, дикая природа окончательно завладела этим заброшенным уголком и со свойственной ей тщательностью истребила все следы человеческой деятельности.

Необрезанные деревья жадно раскидывали во все стороны ветви. Кустики буксуса, чье назначение заключалось в том, чтобы обрамлять аллеи, превратились в деревья, позабыв о ножницах садовника. Семена, случайно занесенные порывами ветра, прорастали здесь с той могучей энергией, что свойственна сорнякам, заглушая садовые цветы и редкие растения. Колочие ветви терновника переплетались над тропинками, цепляясь за платье прохожего и не позволяя проникнуть вглубь сада, словно преднамеренно скрывая это сумрачное убежище грусти и безнадежности. Ведь всякий знает: скорбь не любит посторонних глаз и воздвигает вокруг себя различные преграды.